

ЧАСТЬ 1

Глава первая

«Моя дорогая, прошло ровно девятнадцать лет с того ясного утра, когда мы улыбнулись и попрощались. То, что мы увидимся вновь, не вызывало никаких сомнений, правда? Вопрос был лишь “когда”, а не “если”. По сути, мы даже не задавались таким вопросом. Наверное, будущее казалось нам таким же иллюзорным, как сумбурный сон, но в нем однозначно присутствовали и я и ты. И мы были там вместе.

Однако этого не произошло. Даже после всех этих лет я не могу в это поверить.

Девятнадцать лет прошло с того дня. Целых девятнадцать лет! А я до сих пор ищу тебя. Я никогда не перестану искать тебя.

Часто ты появляешься, когда я меньше всего этого ожидаю. Вот и сегодня утром я находился во власти каких-то бессмысленных черных мыслей, и мое тело было словно зажато в тиски. И вдруг появилась ты — ярким осенним листком, перекатывающимся по унылой лужайке серо-зеленого цвета. Расправив плечи и дыша полной грудью, я смог почувствовать росу на ногах, разглядеть оттенки зеленого. Мне хотелось схватить тебя, тот яркий листок, перекатывавшийся, и ускользавший, и смеющийся. Мне хотелось схватить тебя за руку, посмотреть тебе в глаза, но, как оптическое черное пятно, ты тихо сместилась в сторону, туда, где тебя нельзя было достать.

Я никогда не перестану искать тебя».

Глава вторая

День седьмой: когда мы оба знали

Трава стала влажной. Влажной и темной, впитавшей промышленные выбросы. Простираясь вдаль, к темнеющей кромке леса, она колыхалась от батальонов муравьев, нескладных улиток и крошечных паучков, плетущих паутину. Земля под нами вбирала в себя последние остатки тепла.

Эдди, лежавший рядом со мной, напевал мелодию из «Звездных войн». Он водил большим пальцем по моей руке, медленно и нежно, а над нами, закрывая огромную клипсу луны, плыли облака.

— Давай искать инопланетян, — сказал он немногим ранее, когда небо из фиолетового превратилось в багровое. Мы все еще оставались там.

Я услышала отдаленный вздох последнего поезда, исчезавшего в тоннеле на холме, и улыбнулась, вспомнив, как мы с Ханной часто выбирались сюда на вылазку в детстве. На маленькое поле именно в этой небольшой долине, спрятанной от маленького мира.

При первых же признаках лета Ханна умоляла родителей поставить палатку.

«Конечно, — говорили они. — Только если вы разобьете свой лагерь в саду».

Сад был виден как на ладони. Он находился перед нашим домом и просматривался почти из каждого окна. И это совсем не устраивало Ханну, чей дух приключений — даже несмотря на то что она была на пять лет младше меня — всегда превосходил мой. Ей хотелось на поле. Это поле находилось на крутом холме позади нашего дома, там, на самом верху, как раз было пологое место, подходящее для палатки. Оно ниоткуда не просматривалось, кроме как с неба. Это место было испещрено

коровьими лепешками размером с фрисби и располагалось так высоко, что оттуда можно было заглянуть в наш дымоход.

Родителям идея с полем нравилась не особо.

— Но я буду там в абсолютной безопасности, — настаивала Ханна своим командным голосом. (Как мне не хватает этого голоса!) — Со мной будет Алекс. — Лучшая подруга Ханны большую часть времени проводила в нашем доме. — И Сара. Она сможет защитить нас, если придут какие-нибудь убийцы.

Как будто я была крепким мужчиной с хорошо поставленным хуком правой.

— И тебе не придется готовить нам ужин, если мы будем на вылазке. Или завтрак...

Ханна была как маленький бульдозер — у нее никогда не заканчивались контраргументы, — и наши родители неизбежно сдавались. Сначала они ходили на вылазку на то поле вместе с нами, но в конце концов, пока я пробиралась сквозь непроходимые джунгли подросткового возраста, они разрешили Ханне и Алексу там ночевать, со мной в качестве охранника.

Мы лежали в старой папиной фестивальной палатке из оранжевого брезента — громыхающей, похожей на маленькое бунгало — и слушали симфонию звуков, доносящуюся из травы. Частенько я еще долго бодрствовала после того, как моя маленькая сестренка и ее подруга засыпали, и спрашивала себя, смогу ли я на самом деле защитить их, если кто-нибудь явится сюда. Потребность защищать Ханну — не только пока она спала в этой палатке, но и всегда — была похожа на расплавленную лаву внутри меня, которую с трудом сдерживает вулкан. И все-таки, что же я буду делать в случае чего? Нанесу удар карате моей подростковой кистью? Стану их колоть палочкой для жарки маршмеллоу?

«Часто нерешительная, не совсем уверенная в себе», — так описала меня в характеристике классный руководитель.

— Ну что ж, это действительно чертовски здорово, — сказала тогда мама тоном, обычно прибегаемым, чтобы отчитать папу. — Не обращай на нее внимания, Сара. Будь неуверенной сколько хочешь! Для этого и даны подростковые годы!

В конце концов, устав от борющихся между собой желаний защитить и бессилия, я заснула, чтобы проснуться пораньше и собрать самый нелепый набор продуктов, которые упаковали Ханна и Алекс для их пресловутого «сэндвича на завтрак».

Я положила руку на грудь, приглушая свет воспоминаний. Эта ночь не предназначена для грусти, эта ночь для нынешних событий. Для нас с Эдди и для прекрасно-го, все еще растущего чувства между нами.

Я сосредоточилась на звуках леса, таких отчетливых в ночи. Шорохи беспозвоночных, перемещения млекопитающих. Зеленый шепот колышущейся листвы, безмятежное дыхание Эдди. Я прислушалась к его ровно стучавшему под свитером сердцу и восхитилась этой размеренностью. «Со временем откроется большее, — нередко замечал, говоря о людях, мой отец. — Ты должна наблюдать и ждать, Сара». Но я наблюдала за этим мужчиной всю неделю и не почувствовала никакого беспокойства. Во многих ситуациях он напоминал мне меня саму, какой я настраиваюсь быть на работе: солидной, рассудительной, спокойно воспринимающей разные ситуации в некоммерческом секторе, — но у меня ушло несколько лет на то, чтобы выработать все это, тогда как Эдди, похоже, просто был таким.

Интересно, чувствовал ли он, что меня переполняет воодушевление? Еще несколько дней назад я жила одна, на носу был развод, на носу сорокалетие. Потом все это. Он.

— О! Барсук! — сказала я, краем глаза заметив в темноте низкий силуэт. — Интересно, это Седрик?

— Седрик?

— Да. Впрочем, это, наверное, не он. Как долго живут барсуки?

— Думаю, около десяти лет. — Эдди улыбался: я чувствовала это.

— Ну, тогда это точно не Седрик. Но это может быть его сын. Или внук. — Я выдержала паузу. — Мы любили Седрика.

Дрожь от смеха пронеслась по его телу и переместилась на мое.

— Кто — мы?

— Я и моя младшая сестра. Мы часто ставили палатку в этом месте.

Он перевернулся на бок, его лицо было так близко от моего, и я увидела это в его глазах.

— Барсук Седрик. Я... ты... — тихо произнес он. Он провел пальцем по моим волосам. — Ты мне нравишься. Мы с тобой мне нравимся. По правде говоря, мы с тобой мне очень нравимся.

Я улыбнулась. Прямо в его добрые, искренние глаза. В морщинки от смеха, в его крупный подбородок. Я взяла его руку и поцеловала кончики пальцев, грубые и шероховатые после двух десятилетий занятий столярным делом.

Однако же у меня было такое чувство, будто я знаю его уже много лет. Всю жизнь. Было такое чувство, словно кто-то подобрал нас друг для друга, может быть, еще при рождении, и подталкивал, и согласовывал, и планировал, и комбинировал, пока мы наконец не встретились шесть дней назад.

— У меня недавно были очень сентиментальные мысли, — заговорила я после долгой паузы.

— У меня тоже. — Он вздохнул. — Такое чувство, будто на прошлой неделе было настроено много прекрасных скрипок.

Я засмеялась, он поцеловал меня в нос, и я спросила себя: как такое возможно, что ты можешь провести недели, месяцы — *годы* даже, — лишь пыхтя, ничего по сути не меняя, а потом, в течение всего нескольких часов, сценарий твоей жизни полностью переписывается? Выйди я в тот день из дома позже, я бы сразу села в автобус и никогда не встретила бы его, а вместо этого нового чувства уверенности донесся бы, в лучшем случае, только едва слышный шепот упущенных возможностей и неудачного стечения обстоятельств.

— Расскажи мне еще что-нибудь о себе, — попросил он. — Я все еще знаю недостаточно. Я хочу знать все. Полную, не сокращенную историю жизни Сары Эвелин Маккей, включая неприятные эпизоды.

Я затаила дыхание.

Не то чтобы я не знала, что это когда-нибудь произойдет, скорее я все еще не решила, что буду делать в этом случае. Полная, не сокращенная история жизни Сары Эвелин Маккей, включая неприятные эпизоды. Он сможет выдержать это, наверное. У этого мужчины была броня, огромная сила, заставлявшая меня представить старую дамбу или, может быть, дуб.

Он водил рукой по изгибу между моим бедром и грудной клеткой.

— Люблю этот изгиб, — сказал он.

Человеку, настолько уверенному в себе, ты можешь, наверное, открыть любой секрет, сказать любую правду, и он не обратит все это тебе во вред.

Конечно, я могла рассказать ему.

— У меня идея, — сказала я. — Давай останемся здесь ночевать. Представим, что мы все еще молоды. Мы

можем жечь костер, жарить сосиски, рассказывать истории. Представь, что у тебя есть палатка. Кстати, ты похож на человека, у которого есть палатка.

— Я и есть человек, у которого есть палатка, — подтвердил он.

— Хорошо! Ну что ж, тогда давай так и поступим, и я все тебе расскажу. Я... — Я перевернулась на спину, вглядываясь в ночь. Последние крупные свечи цветков конского каштана тускло светились на опушке леса. Возле наших лиц в темноте покачивался лютик. По какой-то причине, которую она отказывалась называть, Ханна ненавидела лютики.

Я почувствовала, как что-то поднимается у меня в груди.

— Так здорово оказаться здесь. Сразу ожило столько воспоминаний!

— Хорошо, — улыбнулся Эдди. — Мы разобьем лагерь. Но сначала иди сюда.

Он поцеловал меня в губы, и на мгновение весь мир затих, словно кто-то просто нажал на кнопку или сбил настройку приемника.

— Я не хочу, чтобы завтрашний день стал нашим последним днем, — произнес он, оторвавшись от моих губ.

Он крепче обнял меня, и я почувствовала тепло его тела. Я провела рукой по его волосам, они щекотали мои пальцы.

«Близость, подобная этой, была очень давно», — подумала я, вдыхая чистый, песочный запах его кожи. К тому времени, как мы с Рубеном поставили точку в наших отношениях, мы спали, как два форзаца, по разные стороны кровати, а нетронутые простыни между нами были как дань нашей неудаче.

— Пока матрас не разлучит нас, — как-то раз сказала я, но Рубен не засмеялся.

Эдди немного отстранился, и я смогла разглядеть его лицо.

— Я... Слушай, интересно, а мы смогли бы изменить наши планы? Отсрочить мой отпуск и твою командировку в Лондон. Чтобы была возможность еще неделю поваляться здесь, на поле.

Я приподнялась на локте. *Мне хочется этого больше, чем ты можешь себе представить*, подумала я. *Я была замужем семнадцать лет и за все это время никогда не испытывала таких ощущений, как с тобой.*

— Еще одна неделя — это было бы просто чудесно! — ответила я. — Но ты не должен переносить свой отпуск. Я все еще буду здесь, когда ты вернешься.

— Нет, здесь тебя не будет. Ты будешь в Лондоне.

— Ты расстроен?

— Да. — Он поцеловал меня в ключицу.

— Не нужно расстраиваться. Я приеду в Глостершир, как только ты вернешься.

Похоже, его это не успокоило.

— Если ты перестанешь дуться, я, возможно, даже встречу тебя в аэропорту, — добавила я. — Я могу оказаться среди тех людей, которые держат таблички с именами, оставив машину на краткосрочной стоянке.

Он пару секунд обдумывал все это.

— Это было бы здорово, — произнес он. — Замечательно, правда.

— Решено.

— И... — Он сделал паузу, неожиданно выражение его лица стало неуверенным. — Наверное, я тороплюсь, но, после того как ты расскажешь мне свою историю, а я пожарю сосиски, которые могут оказаться съедобными, а могут и нет, я хочу, чтобы мы серьезно обсудили тот факт, что ты живешь в Калифорнии, а я в Англии. Ты ведь ненадолго приехала.

— Ну да.